

Атанас Ванчев де Траси

Притихших лип пугливая дремота

Предисловие

Поэзия – это искусство, через которое человек проявляет себя достойным той частички Божественного, что в нём есть. Поэзия не терпит ни притворства, ни подделки. Поэзия – это тот надёжный друг, которому можно доверить всё – грусть, радость, восторг, восхищение и прочее.

Когда я говорю о её дружбе, на ум мне приходят замечательные слова философа, пифагорейца, астронома, политика и стратега Архатаса из Торанта (около 435 – 347 г. г. до н. э.):

«Если бы кто-то поднялся в небо и увидел всю вселенную и красоту звёзд, он не смог бы полностью насладиться этим зрелищем, если бы рядом не оказалось того, с кем можно поделиться».

Для поэтов этот «кто-то» есть поэзия, переполненная нежностью и симпатией ко всем

существам и всему, что окружает человека. Вот почему поэзия отвергает любое общество, основанное на личных пристрастиях, лишённых равновесия, их регулирующего. В то же время она отвергает идею организации мира по воле провидения. Не существует исторической неизбежности без присутствия индивидуальной инициативы. Эти инициативы могут изменять ход событий.

Поэзия не может служить выражением сластолюбия и нечестивости, символом упадочничества и прославлением притворной стыдливости, приукрашенных условностей общественной жизни. Она неустанно ратует за построение гармоничного мира, лишённого лукавого мудрствования, пресыщенности, высокомерия. Талант заменяет поэту благородство. Не приземлённое, а присущее божественным умам.

При этом как объяснить, после заявленной возвышенности души, огромность таланта арабо-персидского поэта Абу Нуваса (родившегося между 747 и 762 г. г. в иранском Ахвазе и умершего около 815 года в Багдаде), если его жизнь изобиловала необузданным и разрушительным развратом? Эту безумную тягу к вину, неудержимое пристрастие к запретной любви, нескончаемые часы, проводимые в притонах и кабаках? Не продиктован ли этот удел отчаянием, следствием погибельной безнадёжности? Мой ответ прост: всякое схождение в ад неоспоримо свидетельствует о неизлечимом душевном расстройстве. Следует признать, что многие гении создавали свои шедевры в таком состоянии. Все ли составляющие подобных трагедий присутствуют здесь «ab ovo» в качестве тайного предназначения, полные колдовских чар?

Тайные судьбы, овеяны ореолом загадочности.

Поэзию не должны поработать ни сильные мира сего, ни государства, как бы ни складывались обстоятельства. Да, поэт является неотрывной частью общества. Он разделяет существование всех его членов. Но он одновременно является служителем Аполлона, гиперборейского Абариса, мага, который, по словам Ликурга, *«... после того, как им овладел Бог, путешествовал по небу на золотой стреле, пророчествовал и произносил божественные речи»*.

Поэт подобен священнику, которого коснулась божья благодать.

Жизнь многих великих творцов подобна японским «ronins», этим «людям на волнах». Это были самураи без хозяина, поэты без меценатов, влюблённые без девы, воины без дела. Они умели лишь петь. Одним из самых известных «ronins» был фехтовальщик, философ,

художник, писатель и каллиграф Миямото Музаши (Miyamoto Musashi, 548-645), чьи произведения оказали большое влияние на японскую мысль и искусство.

Умение схватить непрочность мгновения, восторгаться красными маками, обожать жёлтые ирисы, чувствовать красоту ветра, играющего золотистыми ветвями тополей, вслушиваться в шелест финиковых пальм, наслаждаться поцелуями босых ног с землёй – всё это составляет поэзию, ту, что совершает «théosis», обожествление всего, что она прославляет.

Она одна способна рассказать, как глубокие корни деревьев оборачиваются прохладной приветливой тенью, как дети Урана и Гайи титан Гиперион и его сестра титанида Тея создали источники света на земле и солнце, светлое око, что стоит в зените и пронзает всё сущее. Как они организовали сезонные циклы, наделив зиму высокими нотами, а лето – низкими. Как сеятель благодарно склоняется в мирных сумерках над светлыми полями. Как золото осознаёт себя золотом, а молния – молнией. Как просвещённый ум отличает красоту великих произведений.

Поэзия подобна Вере. Это не просто вера во что-нибудь, но полное доверие к Богу. Это не я и что-то, это – я и Кто-то. Поэт прославляет самые возвышенные стороны души. Он обязан, как говорил Джон Милтон, безоговорочно сохранить в себе Божественное Слово. В Раю «Божественной комедии» Данте, песнь XXXII, поэтическое искусство выражено святым Бернардом в гимне Непорочной Деве: *«О, Дева мать, дочь своего же сына»*

Если обычная речь горизонтальна, то поэзия есть искусство вертикальное. Повседневное слово обозначает событие, поэтическое слово – вечность. Поэзия – это зерно, освобождённое от плевел.

Маленькие поэмы, составляющие этот сборник, выражают мою чувствительность к мелочам, моё глубокое внимание к людям, которых, похоже, все забыли. В самый центр, в жизненное ядро я поместил мою любовь к Слову. Меня можно было бы упрекнуть в том, что я верчусь, кручусь вокруг да около главного, встаю, сажусь, жужжу, влезаю в мелочи. Да, может быть, но верчусь я вокруг незыблемой оси!

Я, в самом деле, кувыркался вокруг удивительных явлений. Но как иначе познать их истинную сущность? Эти поэмы – вскрики, вспышки, вздохи, которые улетают в небо вместе с ласточками в погожий летний день. В моём видении мира, чьи мерзости, коварства и подвохи мне хорошо знакомы, всегда преобладал мой опыт, как у Джотто, в его светящихся пейзажах, переполненных радостью, в его ангельских красках. Это не значит, что Джотто были неведомы тёмные стороны жизни, но он отвернулся от них.

Да, я намеренно воспевал самую обычную повседневность. Я не переставал любить обыденное, природу с её столь естественной роскошной пышностью. Мне хотелось пробудить радость, живущую в каждом из нас, радость, что лишь одна способна торжествовать над смертью, присутствующей в нас с рождения.

По мере написания этих скромных стихов я превратился в звучание слов и шелест мысли, украшенной прелестью полевых цветов.

Маленькие поэмы – это птички, которые влетают и вылетают из моей души!

И вот стихи, рождённые сегодня, в понедельник 10 февраля 2014 года.

«Уснём,

Зима станет укачивать нас в снежных объятиях,

Уснём,

Сердца друзей согреют нашу комнату,

Обращённую к весне

И неуловимым ароматам жизни»

Атанас Ванчев де Траси

Париж, январь 2014